

Но в то же время право XVII в. употребляет очень часто такие определенные санкции, которые на практике имели значение только общей угрозы. Так, например, санкцию „смертная казнь“ предусматривают 60 статей Уложения 1649 г. и еще большее число отдельных указов. Смертная казнь предусматривается в таких случаях, когда на практике она почти никогда не применялась. Так, например, в 1658 г. была определена смертная казнь на тот случай, если крестьяне дворцовых волостей будут жениться и выходить замуж за тех, кто не приписан к дворцовым волостям.¹ Не менее сомнительной кажется и угроза наказа 1697 г., где объявляется „указ с великим подкреплением под смертную казнь, чтобы кореня ревеню не покупали и не привозили“.²

Отсюда ясно, что если само законодательство очень часто не устанавливало не только размер, но даже и род наказания за каждое конкретное преступление, то приказные судьи по необходимости вынуждены были изощряться в казуистических решениях при разбирательстве спорных дел. „В судах в законы играют, как в карты, требуя указа на указ, чтоб удобнее было в мутной воде рыбу ловить“, — писал Петр I в одном из своих указов конца XVII в.

Неопределенность санкций в законодательстве на практике приводила к неизбежному произволу и казуистическому формализму в приказном судопроизводстве. Насколько велика была здесь изобретательность „приказных людей“ в сочинении казуистических решений, показывают „пометы“ (т. е. резолюции) на „челобитных“, которые делались в „Челобитном приказе“: „будет так, как бьет челом — учинить указ по государеву указу“; „будет так, как бьет челом — дать грамоту к воеводе“; „будет иным таким давано, ино и ему дать“. Наконец, если мы рассмотрим преступления „убогого“ с точки зрения гражданского и уголовного права XVII в., то и здесь приговоры Шемяки, наряду со сказочной фантастикой, содержат много реальных черт.

По „исковой челобитной в лошади“ судья мог бы „доправить“ „иск“ на ответчике, т. е. заставить „убогого“ возместить убытки за „испорченную“ лошадь: „А чему в исковых челобитных цены будет не написано, и тому цена положить по сему указу. Конь восм рублей. Кобыла ногайская шесть рублей. Жеребенок ногайский три рубли, мерин четыре рубли...“.³

Но два других преступления „убогого“ по законам XVI и XVII вв. вообще не могли считаться наказуемыми, так как оба убийства были совершены без умысла. Уголовное право XVII в. уже различало три вида убийства: 1) „учиненное умышлением“, за которое полагалась смертная казнь; 2) убийство, „учиненное в драке“, „пьяным делом“, за которое убийцу, „бив кнутом“, „дати на чистую поруку с записью“, и,

¹ Акты Арх. эксп., т. IV, № 101, стр. 142, окружная грамота в Углич 1658 г.

² Полн. собр. зак., № 1594, наказ Тобольскому воеводе 1697 г.

³ Уложение, гл. XXIV, ст. 2.